

Цзи Е стоял на коленях так долго, что ноги онемели. Юный император на троне, казалось, вовсе забыл о его существовании. Посидев так еще какое-то время, он осторожно спустился вниз, но не приказал Цзи Е встать, а просто подобрал полы халата и уселся рядом. Придвинувшись вплотную, он подпер подбородок рукой и принялся разглядывать Цзи Е своим красивым лицом.

В глазах Юного императора светилось заискивание: Ну как? Как я сыграл? Просто уровень кинозвезды! Мир задолжал мне Оскар. Если бы я мог вернуться, то обязательно пошел бы в актеры, думаю, в шоу-бизнесе я бы не пропал.

Юноша выпалил кучу странных слов, а затем внезапно умолк, смущенно взъерошил волосы и с досадой произнес: Эх, зачем я это говорю? Ты же все равно ничего не понимаешь.

Юный император выглядел беспомощным и даже немного расстроенным. Он вдруг схватил Цзи Е, который так и продолжал стоять на коленях с прямой спиной. Из-за того, что Цзи Е долго находился в одном положении, он не удержал равновесия и повалился набок. Его лицо оказалось совсем близко к лицу правителя, и он увидел в черных глазах Юного императора странный, завораживающий блеск.

Цзи Е слегка нахмурился, с каменным лицом поднялся, сделал шаг на коленях и почтительно поклонился до самой земли, прося прощения: Прошу прощения за дерзость, Ваше Величество, молю о снисхождении.

Опустив голову, он скрыл потрясение, но внутри него бушевала буря. Этот Юный император был совсем не так прост, как казалось. Почему он был так близок с ним, с чужаком? Даже не пытался скрыть свои мысли. Если бы у Цзи Е был злой умысел, император уже давно мог бы погибнуть несколько раз. Но разве то, что он делает сейчас, не во вред ему? Впрочем, вряд ли. Великие свершения, власть над всем миром — он лишь помогает ему. Цзи Е отогнал прочь свои мысли, стараясь не поддаваться наваждению. Это всего лишь вымышленный мир, к чему принимать все всерьез? Хотя этот юноша действительно мил, но миловидностью сыт не будешь. Он здесь лишь на время, скоро, совсем скоро он уйдет.

Сяо Вэй бросил взгляд на чиновника, который вел себя подобострастно, но при этом оставался совершенно равнодушным. Он почувствовал себя неудачником. Сяо Вэй вытянул подогнутые ноги, и они задели Цзи Е, который, отступив, снова опустился на колени. Император склонил голову, глядя на опущенную голову Цзи Е и его гладкую, изящную шею. Как в мире могут существовать такие люди? Неужели, что бы ни случилось, на этом бесстрастном лице никогда не дрогнет ни одна черта?

— Но почему, А Е, ты обязательно должен вступать в конфликт с Великим наставником? Ты же сам учил меня, что не стоит высовываться, ведь пуля попадает в того, кто торчит выше всех. Мы же договорились, что будем скрывать свои намерения и ждать подходящего момента, — в недоумении проговорил Сяо Вэй. Такие дела можно было поручить другим. Теперь же он привлек внимание и даже ненависть Великого наставника, а защитить его Сяо Вэй был не в силах.

— Ваше Величество, вы должны понять: некоторые птицы рождаются не для того, чтобы прятаться от пуль, а чтобы исполнить свое предназначение, — после долгого молчания ответил Цзи Е. Ему нужно было, чтобы кто-то отвлек на себя внимание Великого наставника, нужен был человек, который станет щитом для императора. И единственным, кто мог справиться с обеими задачами, был он сам.

Цзи Е не понимал, что значит любить, но если кто-то готов ради тебя жить и умирать, вряд ли кто-то сможет устоять.

В огромном дворце оставались лишь беззаботно сидящий Юный император и молодой чиновник, стоящий перед ним на коленях. Они только что разыграли спектакль, но теперь было неясно: то ли это все еще игра, то ли уже реальность?

У Благородной наложницы Шу во дворце случился выкидыш. Император провел с ней всю ночь, и на этот раз во Дворце Куньнин не было ни звука — стояла пугающая тишина. Весь императорский дворец погрузился в застой, словно перед бурей.

Глава Далисы Син Инь прослужил тридцать лет при двух императорах и считался опорой трона. Обычно он не высовывался, но свои козыри у него были. Однако, понимая, что добром это не кончится, а его главная поддержка исчезла, он решил идти ва-банк. Эта буря изрядно потрепала нервы Великому наставнику, но в конце концов была подавлена кровавой расправой.

Наставник читал донесения своих людей и радовался, что вовремя избавился от главы Далисы. Хотя этот старик был флюгером, он все же был полезен при дворе, но кто бы мог подумать, что он осмелится подстрекать императора, пренебрегать Императрицей и даже надеяться возвыситься за счет ребенка в утробе Благородной наложницы Шу? Хм! Чиновник первого ранга возомнил, что может прыгнуть выше его головы? Наставник сжег секретное письмо в пламени свечи и проводил взглядом догорающие клочки бумаги, его взгляд стал мрачным и непроницаемым.

Имперская столица постепенно оживала. Поговаривали, что император по совету чиновников решил устроить Пир талантов, чтобы собрать одаренных людей со всей страны и найти столпов государства. Это вызвало огромный резонанс среди народа, ведь до сих пор чиновников назначали по рекомендации, и для выходцев из бедных семей попасть на службу было чем-то из области фантастики. Но Пир талантов подарил им надежду.

Юный император правил всего три года и не совершил ничего выдающегося. Делами двора заправлял Великий наставник, и люди почти забыли, что у них есть император. Это был первый раз, когда правитель решил организовать подобное мероприятие. В указе говорилось, что любой молодой талант, достигший совершеннолетия, может представить свое стихотворение. Если он приглянется императору, то не за горами и карьерный рост.

Конечно, для многих чиновников это тоже была радостная новость. Великий наставник держал власть в своих руках, а его приспешники занимали больше половины высоких постов, не давая пробиться тем, кто стоял ниже. Теперь же многие увидели шанс и начали пропихивать своих

сыновей в списки участников.

Пир талантов стал главной темой для обсуждения во всей столице — от высокопоставленных вельмож до простолюдинов.

Из-за этого события люди Наставника сбились с ног, а сам он в последнее время был в контрах с Цзи Е, выискивая способы проучить этого строптивого чиновника. Но кто бы мог подумать, что первым удар нанесет тот, кто обычно защищал Цзи Е — сам император.

Император в последнее время стал совсем нерадивым: уже трех дворцовых служанок, которых он обласкал, возвысил до ранга наложниц. Выкидыш Благородной наложницы Шу его не заботил, он лишь прислал лекарства и больше не навещал ее. О государственных делах он и вовсе не спрашивал, перепоручив проверку всех докладов Великому наставнику, а сам лишь ставил печать...

Цзи Е стал чаще бывать во дворце, и Наставник, казалось, потерял бдительность.

Приняв чай у главного евнуха, Цзи Е нахмурился: Почему чай холодный? Императорская кухня не должна допускать таких оплошностей.

— Император приказал подавать только холодный чай, чем холоднее, тем лучше, — беспомощно ответил А Цай. В последнее время император вел себя странно, и евнух этого не понимал. Но как слуга, он лишь выполнял приказы. Меньше спрашивай — дольше проживешь.

Цзи Е кивнул, отпустил А Цая и с чашкой в руках вошел во Дворец Цяньцин. Говорят, те, кто любит холодный чай, холодны внутри. В его воображении возникло юное лицо Юного императора, его глаза-полумесяцы, которые при улыбке превращались в дуги, способные затянуть в омут. Таких людей сложнее всего разгадать.

Император дремал, свернувшись на троне. Сон был беспокойным, брови слегка нахмурены.

Цзи Е тихо поставил чай и принялся приводить в порядок груды докладов на столе. Вдруг его взгляд упал на знакомое имя в самом низу стопки. Там был список из десяти преступлений Великого наставника, и на первом месте значилось неуважение к императорской власти. Ха, и кто же это такой смелый? Эти доклады проходят через руки Наставника. Кажется, Наставник действительно потерял страх, раз даже не стал скрывать такие донесения. Цзи Е перевернул на первую страницу и увидел там два аккуратно выведенных иероглифа: Сюй Цин.

Разве это не новый министр Министерства доходов? Он хорошо помнил: этот Сюй Цин был ставленником Наставника, тот сам его продвигал. Любой здравомыслящий человек понимал, что в Государстве Великое Чу всем заправляет Наставник. Почему же Сюй Цин, пригретый им, вдруг решил укунить руку, которая его кормит?

Мысли Цзи Е метались, но в конце концов он положил доклад на место.

Он укрыл императора теплым одеялом и, сам не зная почему, не ушел сразу. Подражая Юному императору, он присел на корточки и стал разглядывать лицо Сяо Вэя. Юный император был невероятно красив, почти ребенок, с тонкими чертами лица и пухлыми щечками, вызывающими невольную нежность. Особенно когда он открывал свои ясные глаза, глядя на людей, или надувал щеки — это выглядело очень мило. Что же его тревожит даже во сне?

Цзи Е протянул руку, желая разгладить нахмуренные брови юноши.

Внезапно его руку перехватили. Юный император открыл глаза, в которых не было ни капли сонливости — лишь озорной блеск.

Сяо Вэй, наконец поймав маленького чиновника, крепко сжал его красивые пальцы. Он не удержался и лизнул белый, изящный палец, не сводя глаз с Цзи Е. В его голосе зазвучали нотки страсти: А Е, что ты хотел сделать?

В глазах Цзи Е мелькнула растерянность, но он быстро взял себя в руки и выдернул руку: Я увидел, что Ваше Величество спит беспокойно, и хотел... — Цзи Е внезапно осекся. И правда, что он хотел сделать? Все было готово, стоило лишь не поддаваться чувствам, и он смог бы уйти.

Сяо Вэй, не сводя глаз с Цзи Е, конечно, заметил это мгновение замешательства. Но Цзи Е быстро вернул себе обычную холодную маску, и радостное возбуждение императора сменилось разочарованием.

— Прошу прощения, Ваше Величество, накажите меня. — Цзи Е опустил голову, стоя на коленях у трона.

— А я бы хотел, чтобы ты был дерзким. Так что же ты хотел сделать? — голос Сяо Вэя звучал печально, но в нем прорезалась властность. Смотрите-ка, люди так легко меняются. Он уже привык называть себя Мы, и, возможно, скоро он действительно станет Чу Мин-хуаном.

— Я заслуживаю смерти, прошу, накажите меня. — Цзи Е больше ничего не сказал, лишь опустил голову, всем своим видом показывая, что совершил ужасный проступок и не успокоится, пока его не накажут.

— Хорошо! Хорошо! Будет по-твоему. — Юный император, облокотившись на трон, смотрел на Цзи Е и, выйдя из себя, воскликнул: Эй, кто-нибудь! Цзи Е совершил преступление против императора, выпороть его пятьюдесятью ударами палок в назидание остальным!

Главный евнух, услышав крик императора, вбежал в зал и увидел Цзи Е на коленях у трона. Император был в ярости, на этот раз гнев был настоящим.

А Цай, вспомнив, как Цзи Е хорошо к нему относился, осторожно спросил: Ваше Величество, после пятидесяти ударов от человека может ничего не остаться.

Сяо Вэй ожесточился: Бейте! Я сказал пятьдесят, ни ударом меньше. Бейте изо всех сил, если умрет — значит, так тому и быть.

Сяо Вэй смотрел, как евнухи волокут Цзи Е, который не выказывал ни страха, ни гнева. Внутри него вспыхнул необъяснимый огонь. Он даже не спросил почему! Неужели он так доверяет ему, что готов доверить свою жизнь? А ведь Сяо Вэй лишь боялся, что Наставник начнет строить ему козни, поэтому из кожи вон лез, чтобы оттолкнуть его. Ведь скоро начнется такая буря, что остаться в стороне будет невозможно.

Он сбросил одеяло, схватил чашку и залпом выпил холодный чай. Ледяная жидкость обожгла горло, и лишь спустя время он пришел в себя. Глядя на одеяло и чашку, вспоминая, как Цзи Е бережно держал палочки, он почувствовал жгучее раскаяние.

Что это вообще такое — порка палками? Неужели пятьдесят ударов могут убить? Вспомнив слова А Цая, он испугался. А вдруг? Он не смел продолжать эту мысль и поспешно позвал слугу: Что с господином Цзи?

— Докладываю Вашему Величеству, наказание исполнено. Перед тем как потерять сознание, господин Цзи просил передать: благодарю за милость. — Маленький евнух, который, видимо, был обязан Цзи Е, говорил со слезами на глазах.

Сяо Вэй открыл рот и замер. Эффективность работы в древности поражала. Пусть эта горькая игра сработает! Внутри он волновался, но внешне изобразил раздражение: Пошлите к нему лекаря, чтобы не умер, а то еще поползут слухи.

Прогнав евнуха, который чуть не расплакался, Сяо Вэй остался сидеть в пустом зале.

Он вспомнил, как в первый раз очнулся и увидел маленького чиновника. Тот смотрел на него с такой нежностью и тревогой. Тогда Сяо Вэй подумал: как было бы хорошо, если бы этот человек принадлежал ему. На самом деле это было лишь его желание. Маленького чиновника с самого начала интересовал только его Чу Мин-хуан, или, вернее, в его глазах было только Государство Великое Чу. Как бы он ни притворялся и ни пытался сблизиться, Цзи Е всегда держал дистанцию, и Сяо Вэй больше никогда не видел той нежности в его глазах.

Сяо Вэй посмотрел на кучу докладов, взял тот самый, нижний, долго рассматривал его, затем взял печать и с силой припечатал: Утвердить!

Если тебя заботит это Государство Великое Чу, я обменяю твою улыбку на мирное процветание. Если же тебя заботит только Чу Мин-хуан, что ж, тогда я стану настоящим Чу Мин-хуаном.

Пир талантов проходил во внутреннем дворе, и весь дворец гудел от оживления. Сегодня комендантский час отменили, и во дворец съехались самые известные таланты: молодые офицеры, сыновья знатных чиновников... Сяо Вэй сидел на троне, пил вино и, подперев подбородок, оглядывал стройных юношей. Он так ждал этого дня, но сейчас не мог найти в себе сил радоваться.

Стеклянные фонари освещали двор, как днем. Юноши в белых одеждах обменивались тостами, некоторые, посмелее, подходили, чтобы выпить с ним, и Сяо Вэй лишь улыбался и осушал чашу. Среди них были те, кто выглядел даже лучше его — например, тот юноша с персиковыми глазами, который так соблазнительно улыбался, — но в голове у Сяо Вэя был лишь образ того человека с опущенным взором и спокойным, как вода, лицом.

Черт возьми! Сяо Вэй с досадой выпил еще чашу. Ему становилось все тоскливее, и он не хотел больше притворяться, поэтому в середине пира тихо удалился.

Ночной ветер был прохладным. Он прогуливался по императорскому саду и вдруг заметил в беседке изящный силуэт, чем-то похожий на Цзи Е. Но это была лишь жалкая пародия: он вспомнил, что это тот самый юноша, который строил ему глазки. Ха, чиновники каждый день пытаются угадать его мысли, и, увидев Пир талантов, тут же поспешили подсунуть своих сыновей. Все люди такие корыстные? Нет, есть и другие. Он бы так не поступил.

Сяо Вэй прислонился к скале, замечтавшись, и собрался было подойти к юноше, чтобы разыграть сценку. Но стоило ему сделать шаг, как позади раздался холодный голос:

— Ваше Величество, подумайте дважды. — Цзи Е, получивший пятьдесят ударов, отлежался дома всего три дня и, преодолевая боль, пришел во дворец. Он прождал у ворот полчаса и действительно увидел, как Сяо Вэй выходит через заднюю дверь в сад. До беседки было метров пятьдесят, и там уже ждал юноша. Цзи Е, не заботясь о том, разгневает ли он императора, не выдержал.

Независимо от того, спланировал ли это император сам или кто-то другой, ради задания Системы он должен был это остановить.

Сяо Вэй, опираясь на скалу, обернулся и увидел фигуру в пурпурном халате, стоящую в тени. За эти дни он сильно исхудал, утопая в просторных одеждах. Ночной ветер дул так, будто он вот-вот упадет. Его лицо оставалось таким же холодным, голос — таким же сухим. Сяо Вэй подавил радость и, пошатываясь, с видом пьяного направился к нему.

— Оказывается, это А Е... — Сяо Вэй врезался в объятия Цзи Е, на его лице блуждала дурманящая улыбка.

Цзи Е не удержал равновесие и отступил, чуть не упав. Сцепив зубы, он преодолевая боль, старался удержать обмякшее тело Сяо Вэя. Лунный свет падал на лицо Юного императора — он выглядел таким беззаботным, словно это не он два дня назад в ярости приказал выпороть его палками.

— Ваше Величество, вы пьяны. — Цзи Е изо всех сил старался поддержать его, но сам был измотан ожиданием, ноги болели, сил почти не осталось. Сяо Вэй же продолжал виснуть на нем, бормоча что-то про А Е, и прижал его к скале.

Острые камни впились в поясницу и бедра Цзи Е, он невольно вскрикнул — раны, должно быть, снова открылись. Несмотря на это, он продолжал защищать пьяного императора.

Сяо Вэй обмяк, опираясь на Цзи Е. Его глаза, подернутые хмелем, блестели в темноте, как звезды: Если А Е не нравится, что я прикасаюсь к другим, то я буду только с А Е, хорошо?

Сяо Вэй видел, как Цзи Е скрывает боль, но ему хотелось побыть в этих объятиях еще немного. Если бы он мог так вечно виснуть на нем, он предпочел бы быть просто ничего не понимающим императором в глубине дворца. С долей пьяной откровенности он озвучил свое сокровенное желание.

— Хорошо. — Сяо Вэй подумал, что, наверное, действительно пьян. Он услышал, как Цзи Е сказал хорошо. Он согласился на его любовь? Как это возможно? Сяо Вэй улыбнулся, прижал Цзи Е к скале и поцеловал губы, о которых мечтал каждую ночь.

— Ха, какой интересный спектакль я увидела. — Из-за скалы вышла фигура в желтом одеянии — Императрица, хозяйка шести дворцов.

Цзи Е из последних сил оттолкнул Сяо Вэя и, не заботясь о ранах, упал на колени.

— Недавно слышала, что император сменил предпочтения и полюбил мужчин. Я не верила и даже велела наказать слуг за сплетни, но теперь вижу — это правда. Что же, император устроил Пир талантов, столько молодых талантов не приглянулось, а в итоге выбрал господина Цзи? — Императрица прикрыла рот рукой, но в ее глазах читались ярость и ненависть. — Недавно господин Цзи уверял меня, что будет вразумлять императора следовать предкам, не думала, что вразумление выглядит так.

Сяо Вэй уже протрезвел, но продолжал притворяться пьяным, прижимаясь к Цзи Е и повторяя: А Е.

Цзи Е сжался, но его дрожь на ночном ветру не ускользнула от глаз Сяо Вэя. Если бы не он, разве такой человек подвергся бы такому позору? Но вдруг он ощутил надежду. Если Цзи Е действительно во всем следует воле императора, может, у него есть шанс?

А Цзи Е было не до раздумий. Его наказывала Система. Этот извращенный механизм не позволял ему испытывать чувства, но при этом выдал противоречивое задание: заставить других полюбить себя.